

18+

ОЛЕГ БУНТАРЕВ

Было или не было

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ



Олег Бунтарев

**Было или не было.
Повести и рассказы**

«Издательские решения»

Бунтарев О.

Было или не было. Повести и рассказы / О. Бунтарев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-964974-4

Жизнь такая, как есть. Что-то было, а что-то не было. Но все надо воспринимать в нашем времени и нашей жизни. Мы многое забываем, а должны помнить. Памяти моих друзей и памяти прошлого. Мне жаль, что наша страна стала изгоем. Но придет время, и все поймут, что только за счет нашей страны мир будет спасен. Я верю в это.

ISBN 978-5-44-964974-4

© Бунтарев О.
© Издательские решения

Содержание

Прапорщик Цыбуля	7
Эпилог	13
Рота, подъём!	15
Глубина	17
Знакомство	19
Спасибо за сына!	21
Краповый берет	27
Не нажимай на спусковой крючок	29
Ни шагу назад!	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Было или не было

Повести и рассказы

Олег Бунтарев

© Олег Бунтарев, 2019

ISBN 978-5-4496-4974-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero



Прапорщик Цыбуля

Мне повезло, что от военкомата меня отправили учиться в автошколе. Я стану водителем-профессионалом. Но чтобы получить категорию «Б», пришлось заплатить. Четыре месяца до призыва в армию я работал в автоколонне. Два из них на ТО-2, а потом водителем на подмену. Пока я работал на станции техобслуживания, я получил ещё больше знаний, чем те, которые я приобрёл в автошколе. Много нового я узнал. То, что преподавали в автошколе, – это была мелочь по сравнению с теми практическими знаниями, которые я получил, работая на станции техобслуживания в автоколонне. На станции я работал до своего совершеннолетия, а после этого в соответствии с договором с автоколонной меня перевели водителем.

Мой первый выезд. Еду по улице, выезжаю на кольцо «Берёзовая роща». Меня останавливает молодой милиционер-гаишник и требует мои документы. Я предъявляю ему водительские права и путевой лист.

– Я что-то нарушил? – спрашиваю я.

– Да нет, – ответил милиционер, возвращая мне документы.

Почему-то когда я их принимал, руки мои тряслись.

– Что, первый выезд? – спросил он.

– Да, – ответил я.

– Ну что ж, удачи! – ответил молодой милиционер.

И когда я отъезжал, он махнул мне рукой. Действительно, трудно первый раз без инструктора оказаться на дороге в большом городе. Но постепенно я стал привыкать. Я перестал бояться милиционеров и гаишников, стоящих на дороге.

До призыва в армию осталось совсем немного. Я уже привык подменять заболевших водителей. Иногда мне попадали рейсы на межгород, которые доставляли ощутимую прибыль к моей зарплате.

Но вот пришла повестка из военкомата. 25 мая я должен явиться на призывной участок. Из автоколонны по призыву меня уволили с неохотой. Несколько дней я провёл дома. А потом по повестке отправился на призывной пункт. Там я встретился со своим одноклассником. И в ожидании, пока приедут «покупатели», мы почти целую неделю провели на призывном пункте. Если бы не Андрюха Янечко, наверное, эти дни показались бы тяжёлыми. Это был такой весёлый, замечательный человек, который в любой ситуации мог найти что-то забавное. К сожалению, наши пути разошлись. Меня отправили на Дальний Восток. Нас погрузили в поезд. Всю дорогу проводницы предлагали нам выпивку. И многие от этого не отказывались. Под конец пути многие любители спиртного уже стали продавать свои вещи. Всех, кто со мной призвался, отправили в войска связи. То ли потому, что многие из них увлекались электроникой, то ли потому, что так было предназначено судьбой. Мы попали в учебный центр. Нас учили обращаться с полевыми радиостанциями, передавать сигналы азбукой Морзе.

А потом в моей жизни случился неожиданный поворот. Из части, где я начал служить и проходил подготовку в учебном подразделении, меня перевели в другую часть. Часть правительственной связи. Так как у меня было водительское удостоверение и опыт вождения автомобилей, я попал в авто взвод, где командиром был прапорщик Цыбуля. Интересный человек. Ему к тому времени было уже за 50. Во время войны он был сыном полка, молодым пацаном, который принимал участие в боевых действиях на территории Белоруссии. Сколько историй поведал он нам, обучая молодых неопытных солдат, глупых и несмышлёных. Вот один из его рассказов:

– «Партизанский отряд. Уже который день мы уходим от преследования. А полицаи, войска СС идут по нашему следу. Короткий день передышки. Небольшой костёр, котелок, на котором варится еда. И ожидание, что через болота Беловежской пуши к нам вновь нагрянет

беда. Слава Богу, островок земли, на котором мы укрылись в болоте, они так и не смогли найти. Перловая крупа с тушёной, так называемый «второй фронт», казалась объединением.

А потом над нами пролетело несколько самолётов – экран планов. Фрицы на них изучали местность и находили лагерь партизан. Через несколько часов над нами пролетели «мессеры», сбрасывая бомбы на наш незащищённый лагерь. Больше всего мне запомнилось, как бомба разорвалась рядом с котелком, висящим над костром, и этот котелок взмыл в небо, забрызгивая нас своим горячим содержимым. Слава Богу, во время этой бомбёжки почти никто не пострадал. Было несколько раненых, но, к счастью, их ранения не были тяжёлыми. Так встретил войну, ребята. Война – это страшно. Не дай Бог кому-то из вас это пережить. Хотя придётся. Мы живём в мире перемен. Вы, главное, ребята держитесь».

Прапорщик Цыбуля, кавалер ордена Великой Отечественной войны, имеющий медаль «За отвагу», который в 16 лет дошёл до Берлина, рассказывал нам эту историю. Всего лишь одну из многих историй его жизни.

Пятисоткилометровый марш-бросок. Как всегда обкатывали новых водителей. И это было одной из основных проверок на профпригодность. Наши «Уралы» преодолевают подъём с углом больше 50 градусов. Почти у самой вершины я застрял. Забыл включить редуктор, приводящий все оси в одновременное движение. Наконец до меня дошло. Правда, не без помощи нецензурной брани лейтенанта Ковальского и прапорщика Цыбули. Дёрнул рычаг вперёд, нажал на газ – и моя машина взобралась на курган.

На кургане организовали привал. Из ЗИПов достали консервы, развели небольшой костерок, устроились у огня. И нам предоставили два часа запланированного отдыха. Все были уставшие, вымотанные. Моя гимнастёрка промокла от пота. А ещё я стыдился того, что так лоханулся. Забыть про элементарную блокировку колёс! Цыбуля, глядя на меня сказал:

– Солдат, не расстраивайся. В жизни бывает намного хуже. Знаете, что было с нами? И он начал свой рассказ:

– «Белорусская деревня. Маленькая, всего-то несколько десятков домов. Местные жители всегда нам помогали, передавали продукты через наших посыльных. В общем, снабжали наш партизанский отряд всем необходимым для того, чтобы мы могли жить и сражаться с ненавистным врагом.

Однажды полицаи прознали об этом, и в деревню приехали каратели. Литовский батальон СС. К сожалению, об этом мы узнали слишком поздно.

Когда наш отряд прибыл в деревню, там не было ни одного живого человека. В бочках для сбора воды возле домов лежали головы детей, стариков, женщин – всех тех, кого карательный батальон застал в деревне. Мне врезался в память колодец, который был заполнен обезглавленными трупами сельчан».

– Вы, ребята, – обратился он к нам, – надеюсь, никогда этого не увидите.

«Да и дай Бог, чтобы не увидели. Страшно это. А особенно страшно было мне, четырнадцатилетнему пацану. Меня все время хотели отправить в суворовское училище, но волей судьбы я оставался в партизанском отряде. Может быть, было бы лучше, если бы я уехал и не видел всех тех зверств, которые происходили на моей многострадальной родине. Правдами и неправдами я оставался в отряде. А ваши трудности – это всего лишь мелочи».

Он снова посмотрел на меня. Я сидел в потной гимнастёрке и не мог смотреть ему в глаза. Мне было стыдно. Он подошёл ко мне, положил руку на плечо и сказал:

– Помнишь, как говорил Суворов: тяжело в учении – легко в бою. Ты не сдался. Вывел машину на рубеж. Растерянность – это чепуха. Да и на меня не сердись, что бросил пару ласковых. На войне я бы тобой гордился. И в разведку бы пошёл, – улыбаясь, сказал он.

– Никогда в жизни я больше не подведу Вас, товарищ прапорщик, честное слово! – сказал я своему взводному.

В небо ушла сигнальная ракета, и колонна снова двинулась в путь. В кабине у меня сидел лейтенант Ковальский.

– А что ты знаешь про своего взводного? – спросил он.

– Только то, что он воевал, будучи пацаном.

– А ты знаешь, почему он до сих пор в армии?

– Нет, – честно ответил я.

– По его собственной просьбе министром Соколовым был отдан приказ о том, что ему разрешается служить и после пятидесяти лет. Он круглый сирота. И в партизанский отряд попал тогда, когда его деревня, в том числе и его родители, были уничтожены карателями. Ты должен гордиться, что у тебя такой взводный.

– Я буду! И больше никогда его не подведу.

Вот и из учебки мы вышли. Мы уже не «черепашки», а «духи» («дух» – молодой солдат). Нас распределили по боевым подразделениям. Но каждый раз, когда я проходил мимо прапорщика Цыбули, я отдавал ему честь, идя строевым шагом, будто шёл мимо генерала.

Вот мы и приняли присягу. За каждым из нас закрепили автомат, держа который, мы давали клятву на верность Родине. Теперь стоим в строю полноценными солдатами. К нашему взводу подошёл прапорщик Цыбуля, зорким отеческим взглядом он оглядел нас.

– Ну что, ребята, теперь и вы настоящие солдаты. А я свою присягу дал в сорок втором. Тогда мне было тринадцать лет. Пойдёмте, перекурим.

Всем взводом мы зашли в курилку. Появились пачки сигарет. У каждого свои, и все старались угостить прапорщика Цыбулю.

– Не, ребята. Я сегодня покурю свои, домашний самосад, – ответил он на наше предложение.

Ловко выхватив из кармана кисет, он набил козью ножку из газетного листа, смачно затянулся и рассказал нам ещё одну историю из своей жизни.

«Деревня Барановка недалеко от Минска. Всего-то домов двадцать. Мы с моими друзьями были на рыбалке. А когда вернулись домой, узнали страшную весть. Началась война. Паника в деревне поднялась только тогда, когда сельчане узнали о том, что руководство – председатель колхоза и его окружение – куда-то исчезли. Я не догадывался, что они по приказу партии ушли в лес, куда заранее уже было перевезено оружие и сделаны склады с боеприпасами. Об этом я узнал позже. О том, что всё давно готовилось к войне. К войне не наступательной, а оборонительной. А потом пришли немцы. Что они творили в нашей деревне! В здании бывшей администрации они устроили комендатуру. А ещё набрали не-сколько человек из местных жителей, которые стали их холуями и работали полицаями. Семью председателя правления повесили на второй день пребывания немцев в селе.

Самое страшное и противное, что немцы по отношению к местным жителям вели себя лучше, чем те прихвостни, которые устроились к ним полицаями. Вот те, пользуясь своей защищённостью и безнаказанностью, творили беззаконие. Они заходили в любой дом, забивали понравившиеся им вещи или продукты. Если, не дай Бог, кто-то оказывал сопротивление, могли расстрелять всю семью, не щадя ни женщин, ни детей. Немцы этого не одобряли, но и не препятствовали их действиям.

Прошёл почти год оккупации. Одному из полицаев приглянулась моя старшая сестра. Они с подружкой были у нас дома. А меня мама послала в погреб для того, чтобы я достал солёную капусту. Я был в погребе, когда услышал выстрел. Когда я выбрался, на полу лежала моя мёртвая мать. С печки свешивалась рука моего младшего брата. А сестры Надежды и её подружки уже не было. Сквозь окна я увидел, как дом охватывает пламя. Поднявшись по лестнице на крышу, я забрался на чердак, а оттуда выпрыгнул на улицу, спасаясь из пылающего дома. Дом горел быстро. Скоро обрушилась крыша, погребая под собой останки моей матери и младшего брата.

Из сарая, находившегося недалеко от дома, я слышал крики. Это полицаи насильовали мою сестру и её подругу. Я тогда не понимал, что происходит. Это я понял гораздо позже. Но тогда мне стало страшно, и я бросился бежать в лес».

Я заметил, что, когда прапорщик рассказывал нам все это, на его глазах навернулись слёзы. Я понял, как тяжело ему рассказывать нам все это, вспоминать те дни, когда он потерял свою семью. Но он продолжал.

«Слёзы застилали мне глаза. А я бежал и бежал все дальше в лес. Ненавидя полицаев. Ненавидя фашистов. Я все время клялся себе, что я им отомщу, любой ценой, но отомщу. Меня остановил крик: «Стой!» Я замер на месте.

– Кто такой? – говорили по-русски, а значит, это уже не были враги.

– Я... Это... Ну... – я ничего не мог сказать сквозь слёзы.

Из кустов вышел человек.

– Ну, ты пацан, ты это брось. Перестань плакать. Расскажи, что случилось.

Но после этих слов моя истерика только усилилась».

– Вы, ребята, извините, что я всё так подробно рассказываю. Но вы должны это знать, – пыхнув своей самокруткой, сказал прапорщик Цыбуля. – Вы ведь, ребята, не знаете, что такое война. И дай Бог, не узнаете. Хотя я, сколько уже похоронил таких молодых, как вы, на своём веку. И служба тоже не пряник. Ваша служба, может быть, даже сложнее той, которую прошёл я.

А вот тогда в партизанском отряде меня сначала приняли как врага. А потом, месяц спустя, когда я узнал, что наша деревня со всеми жителями была уничтожена и сожжена карателями, я принял присягу. Присягая Красному Знамени, своим родным, дедам и отцам, я поклялся, что дойду до Берлина и отомщу за все то зло, которое нам причинили фашисты. А ещё, ребята, я ненавижу предателей. Сегодня вы дали присягу. Присягу на верность Родине, не изменяйте ей. Вот это мой вам совет.

Он встал, ссутулившись, выбросил свою самокрутку, и вышел из курилки. Никто из нас не мог произнести ни слова. В курилке стояла полная тишина. Такое ощущение, как будто мы вместе с ним пережили все ужасы войны. Он уходил все дальше, а мы смотрели ему вслед. Как бы то ни было, но с этого дня он стал нам как отец. Тот, кто защитил нас, спас, тот, кто дал нам жизнь. Вот он уже прошёл КПП, а мы так и сидим и молчим, под впечатлением от его рассказа.

Летние учения. Смотрю, как в соседней роте разбивают палатки. Благо, нам этого делать не надо. Станция «Кристалл» состоит из трёх машин и прицепа. Одна из машин – сама станция, прицеп – это антенна космической связи. Дизельная машина, которой управлял я, и машина КУНГ, в которой находились провизия и спальные места для экипажа. Чтобы развернуть станцию, нам потребовалось всего лишь двадцать минут. Мы, улыбаясь, наблюдали, как роты растягивают палатки. А они с завистью поглядывали на нас, так как мы своё дело уже сделали. С полевой кухни доносился сладкий запах дымка, и аромат приготавливаемой пищи.

Мы увидели людей, спускающихся с холма. Их было человек тридцать. Странствующий табор. Они разбили свои палатки недалеко от нас, не переступая границ запретной зоны. Но для детей границ не существует. И когда мы со своими котелками подошли к полевой кухне, несколько цыганят

подбежали к нам, прося, чтобы их тоже накормили. Командир хоззвода начал их отгонять, угрожая поварёшкой. А нам стало их жалко. И мы, не сговариваясь, поделились своими пайками с ними. А ещё старший сержант Малиновский сходил в КУНГ и вынес им пару банок тушёнки. Ближе к вечеру мы разожгли костёр. Сидим возле него, поедаем консервы, которые достали из ЗИПов. В это время слышим окрик часового: «Стой, кто идёт! Стрелять буду!» Потом часовой принял стойку смиренно, и к нашему костру подошёл прапорщик Цыбуля.

– Вы, ребята, молодцы, – сказал он, присаживаясь у нашего костра. Потом взглянул на ясное августовское небо, о чём-то задумался и, будто обращаясь не к нам, заговорил:

– Вот в Берлине в сорок пятом году к нам часто подходили немецкие дети. А наш старшина точно так же гонял их поварёшкой. Мы чем могли, делились с ними. Всегда носили в карманах кусочки сахара. Знаете, такой, не как сейчас, а кусковой. Прежде чем бросить в кружку чая, его обязательно надо было раздолбить. Паёк нам такой выдавали. Вот этим сахаром мы и угощали немецких детей, ведь они же дети и совершенно не виноваты в том, что на этой войне сражаются их родители. Некоторые убежали, когда мы предлагали им сахар. Они боялись, что мы их отравим. А другие, наоборот, с удовольствием клали этот сахарный комочек в рот и долго-долго рассасывали.

Я глядел на августовское звёздное небо. Вот они звёзды, такие близкие и такие далёкие. Наверняка у каждой из них свои планеты. Скорее всего, на многих есть жизнь. Неужели там точно так же, как и у нас, может царить такая злоба, от которой страдают дети? Цыбуля продолжал:

– По приказу командования на площади вывозили полевые кухни, где всем желающим выдавалась еда. В основном приходили женщины и дети. Из каких только развалин и подвалов они не выбирались! На некоторых было страшно смотреть. Худые, измождённые и жутко голодные. У многих не было ложек и даже мисок. Они получали еду прямо в руки и тут же при нас с жадностью её съедали. Страшное это дело, ребята, когда голод. И сегодня вы молодцы! Поделились своей едой. Надо всегда делиться. Мир суров, но когда люди помогают друг другу, он становится прекрасным. Спасибо, ребята!

Он встал и медленно пошёл от нашего костра, удаляясь в темноту. Старший прапорщик Цыбуля. Он воспитал нас и шёл к своему новому взводу, к своим новым воспитанникам. За многие годы мне никто не дал большего, чем прапорщик Цыбуля, который был всего лишь взводным у молодого пополнения. За один месяц в учебке и только несколько разговоров он дал мне намного больше, чем я получил за свою жизнь, прожитую до этого.

Вот и долгожданный дембель. Мы первая партия, которая выполнила свой дембельский аккорд. И сегодня уезжаем домой. Хотя до поезда далеко, но мы уже упаковались, собрали чемоданы, подготовили дембельскую форму, которую наденем уже в дороге. До поезда остаётся сорок минут. Мы при полном параде (в уставной форме) вышли подымить в курилку. А потом двинемся на вокзал. Сидим курим, разговоры практически уже ни о чём. Все мысли о гражданской жизни. И в этот момент в курилку заходит прапорщик Цыбуля. Достав свой знаменитый кисет с самосадам, он скрутил козью ножку, глубоко затянулся и сказал:

– Что, ребята, всё, домой? Дембель? Вот и меня в сорок пятом собирались демобилизовать или отправить в суворовское училище. Ни того, ни другого я не хотел. Из Берлина мы возвращались в теплушках. Почти всю Европу проехали. И на каждом полустанке нас встречали, забрасывали цветами. А потом уже ехали по Советскому Союзу. Нас тоже встречали цветами, обнимали и целовали незнакомые люди. А мы были счастливы, что проклятая война наконец-то закончилась. До Хабаровска добирались почти двенадцать дней. Все переезды были забиты эшелонами с возвращавшимися домой солдатами. Спросите, почему я ехал в Хабаровск? Это был мой единственный выход, чтобы остаться в армии и служить своему народу и Отчизне. Вот вы сейчас приедете домой. У вас будет гражданская жизнь. У каждого своя работа. А ведь Родине тоже должен кто-то служить. Было бы неплохо, если бы вы остались на сверхсрочную службу. Но мало кто остаётся. А жаль. Вот я для себя избрал службу в армии. Сколько смогу, столько и прослужу. Вы уже профессионалы, а у меня вот новое пополнение, которое нужно подготовить на вашу замену. Жалко с вами расставаться. Надеюсь, то, чему вы здесь научились, пригодится вам в дальнейшей жизни.

Открылись ворота КПП. Нестройным шагом, в гражданской одежде, болтая в строю и хихикая, в нашу часть входили новобранцы. Зелёные, неумелые, ещё не знающие солдатской жизни, которые получают урок. Первый урок своей армейской жизни у прапорщика Цыбули. Он встал, бросил окурок в урну, пожал каждому из нас руку и, уже выходя из курилки, повернулся к нам и сказал:

– Ну что, ребята, прощайте! Желаю вам счастливо добраться домой, – после этого он повернулся и твёрдой походкой пошёл принимать новое пополнение.

А мы тоже встали и направились к КПП, последний раз мы выходим за ворота нашей части. Оглянувшись, я увидел, как прапорщик Цыбуля стоит перед строем будущих солдат и о чём-то им рассказывает. В их строю уже не было ни смеха, ни шуток, они молча внимательно слушали его.

Дверь КПП за нами захлопнулась, и перед нами открылась гражданская жизнь, новые заботы и новые хлопоты, но закалка, опыт и даже нравоучения прапорщика Цыбули пригодятся нам на всю жизнь. Об этом я узнал намного позже.

Эпилог

Сижу на обрывистом берегу Волги и, глядя на плещущую под моими ногами воду, вспомнил ещё один случай из армейской жизни. Мы тогда выехали на боевое дежурство. Две станции – «Сосна» и «Кристалл». Старшим был лейтенант Ковацкий, а его заместителем – прапорщик Цыбуля. Машины он знал от и до. Так, наверное, никто в них не разбирался. Поэтому его и послали. Забрались мы на сопку повыше. И нам, солдатам, дали время немного передохнуть.

Сижу над обрывом, ноги свесил. Внизу волны бьются. Так и кажется, что упаду. А мне не страшно. Вон рыбки плывут, чёрные с белым такие. Лейтенант Ковацкий в плечо меня толкнул и тут же за ворот назад оттянул:

– Знаешь, что это за рыбки? Эти рыбки по пятнадцать метров. Проглотят и не заметят. Знаешь, как они называются? Честно говоря, после того, как он меня толкнул и вытащил обратно с трёхсотметрового обрыва, мне было не до названия рыбок. Тем не менее, с огромным трудом я выдавил из себя:

– И как же они называются?

– Вон видишь, дурачок, над ними фонтаны поднимаются, когда они выныривают? Это киты, косатки, здоровые такие!

– Вот никогда не знал. С высоты обрыва они казались маленькими, не больше головастиков. А Ковацкий продолжает:

– Эти огромные рыбы сродни дельфинам. Они даже людей спасали, которые тонули в северных морях. Редко это, конечно, бывало, но было.

Тут к нам прапорщик Цыбуля подошёл:

– А я ведь, когда меня сыном полка взяли, тонул в этих морях. Вода холодная до жути. Да и не моряк я. Плавать тогда вообще не умел, да и сейчас плохо плаваю. Чувствую, на дно погружаюсь. А тут снизу как будто что-то толкнуло. Бац – и я уже на берегу. Может, они.

– Товарищ прапорщик, разрешите обратиться!

– Конечно, сынок.

– Вы же вроде не на Дальнем Востоке служили. Как так получается?

– Ну, где я только не был. Жизнь побросала и там, и сям. А ты, сынок, не бойся, сюда они не допрыгнут. И свалиться тебе никто не даст. Что-что, а за этим присмотрим.

Наступал вечер. Я вернулся к костру. Вокруг него сидели мои сослуживцы, а с ними прапорщик Цыбуля и лейтенант Ковацкий. Котелок уже закипает. Ощущение такое, что мы на пикнике. Сидим, лопаем макароны по-флотски. Знаете, такие, лапша с тушёнкой. И почему их так называют? Наверное, потому что на флоте привыкли есть солонину. Вот и тушёнка – это почти как солонина. Тоже консервированная. Может быть, с тех пор и пошло такое название. Это всего лишь моё предположение. Небо звёздное-звёздное, чистое-чистое. Правда, к вечеру похолодало. Но когда мы укутались в шинели, возле костра нам стало тепло. Долго не мог заснуть. Звёзды, тёмное небо. Слышу посапывание товарищей. Вот и Цыбуля захрапел. Часовой сидит у костра.

К чему я всё это вспомнил? Дельфины, косатки. Я на море-то после этого никогда не был, тем более на тёплом, настоящем. Наверное, взводный вспомнился. Всего лишь прапорщик. Как много он пережил, как много прожил. Скоро 9 мая. Надеюсь, сын полка встретит его живым и здоровым. Жаль, что не смогу чокнуться с ним стопкой и пожелать здоровья. Пожелаю в своём рассказе, да и всем ветеранам тоже. Сыновьям полков, тем, кто воевал и прошёл всю эту войну, тем, кто был на разных фронтах. Как мало их осталось! Я даже не знаю сейчас, жив ли он, тот прапорщик, который так много дал мне в жизни, не только мне, а всем нам. Благодаря таким, как он, мы все и живём сейчас, благо-даря самоотверженным пацанам, рвав-

шимся на войну для того, чтобы защитить свою Родину. А ещё спасибо за то, что воспитывали новые поколения и из разных восемнадцатилетних шалопаев делали настоящих мужчин и воинов. Низкий поклон вам, дорогие ветераны!

Прапорщику Цыбуле посвящается.

Рота, подъём!

Как здорово было, когда мы с братом играли в индейцев. Из стреляных гильз мы построили форт, а из пластилина налепили «ковбойцев» и индейцев. Обмотав ниточкой швейную иглу и использовав старый стержень от авторучки, мы сделали «духовое ружьё». Если игла попадала в пластилинового человечка, считалось, что он убит.

– Подъём! Рота, подъём! – в носшибанул запах уже совершенно не детский, а запах кирзы и гуталина. 45 секунд, чтобы одеться.

В этот день я услышал звук сирены боевой тревоги. Дневальный заорал: «Боевая тревога! Рота, подъём!» И сладкие сны, и воспоминания прекращаются при этом звуке, при этом голосе, и когда в сумасшедшем темпе одеваешься, наматываешь портянки и должен бежать в оружейную комнату.

86-й год. Уже почти год, как я отслужил в войсках КГБ. Станция правительственной связи. Много раз мы выезжали и на учения, и просто по служебным поручениям. Но первый раз в нашей части была боевая тревога. Шли учения «Восток-86». Почти все части нашего гарнизона были задействованы в этих учениях, кроме нас. Нас не трогали, так как мы обеспечивали правительственную связь в экстренных ситуациях. А здесь боевая тревога. Мы получили автоматы. Полные подсумки с боевыми патронами. Погрузились в машины и выехали в точку назначения.

Зима, мороз. Наверное, было минус сорок. С огромным трудом мы забивали кувалдами экраны заземления. Наконец станцию «Кристалл» удалось развернуть. До границы с Китаем меньше восьми километров. Станция работает на перехват и дешифровку.

Сiju в дизельном отсеке. Тепло, хорошо, вот-вот меня должен сменить напарник по станции. Мы все звали его Бульбаш, он был из Белоруссии. Периодически ручным насосом закачиваю соляру в дизеля. Тепло, хорошо, и выходить на мороз совершенно не хочется. Даже счёт времени потерялся.

Стук в дверь. Открыл дизельную – заходит командир взвода.

– Ты что, ещё не сменил Сашу на посту?

Я глянул на часы: действительно, я опоздал на смену уже на полчаса. Накинув на себя полушубок и захватив автомат, я выскочил из машины вслед за сержантом Родионовым. Бульбаша нигде не было видно, но на свежавыпавшем снегу была хорошо видна тропинка, которую он протоптал, охраняя станцию.

Мы не сразу его и заметили. Он был приколот штык-ножом собственного автомата к колесу дизельной станции. Никогда до этого я не видел смерть, тем более смерть знакомого, товарища, того, с кем пять минут назад разговаривали.

Командир взвода не зря прибежал ко мне, так как резко оборвалась связь с Москвой. Спутник не отвечал.

Сначала мы вызвали подмогу из нашей части. Вертушка должна была прилететь через три часа. А когда стали разбираться, почему прервана связь, то увидели, что волновод, ведущий к антенне спутниковой связи, перерублен. То, что удалось расшифровать из перехваченных радиogramм, могло грозить России нанесением ракетного удара. Это срочно надо было предать в Москву. Отдав мне честь под козырёк, лейтенант Ковальский приказал залезть на антенну и держать волновод на стык на момент связи. Это был единственный способ сообщить в Москву о том, что может произойти.

В госпиталь меня и Бульбаша привезли на одном вертолёте. Только его в морг, а меня в реанимацию. СВЧ, которая прошла через моё тело, меня почти сварила. Но по какому-то удивительному стечению обстоятельств, я остался жив.

После этого на станции мне служить запретили, хотя и не комиссовали, как должно было быть. Меня перевели в другое подразделение. В те дни я так хотел домой, туда, где нет убийств, нет крови, и просто протекает нормальная мирная жизнь. Но как бы я ни хотел, мне всё равно надо было отдать два года службы, своей выносливости и всего-всего ради своей Родины. В те времена я не был ни героем, ни патриотом. Только потом я понял, что значит для меня моя Родина.

Зима, мороз, на улице минус сорок. Мы в овчинных полушубках лежим и замерзаем, а там внизу, за демаркационной линией, два барака. Простенькие такие, такое ощущение, что там и тепла быть не может. Из них выбегают ребята, человек по десять в таких коротеньких штанишках, по пояс голые – это в сорокаградусный мороз. Забежали в березнячок, руками-ногами наломали веток, деревьев, которые переламывали пополам ногами и руками. Вернулись обратно. Из труб сарайчиков пошёл дым – это они затопили печки.

– Ну что, ребята? – повернулся к нам лейтенант. – Кто спрашивал, как будем брать в плен?

Ответов на его вопрос у нас уже не было, мы всё прекрасно поняли.

Это был один из психологических тренингов, которые я получил в новой роте после возвращения из госпиталя. Все мы, жившие в советские времена, считали, что война обошла нас стороной, но она была рядом, не только на чужой территории, но и на нашей.

Все знают, про остров Даманский и то, что там произошло. Но почти никто не знал, что каждый день на сопредельных с Китаем территориях гибли не только наши ребята, которые были с оружием в руках, но и просто мирные жители, которым на войну было глубоко начихать.

– Рота, подъём! Боевая тревога!

Хоть и были у меня детские сны, но этот звук для меня уже стал как в детстве голос мамы по утрам в мирные времена. Очень быстро одеваемся,

хватаем подсумки, набитые боевыми патронами. Вертушки уже почти сели на плацу. Мы бежим к ним, чтобы вылететь в новый боевой рейд. Садимся рядом с посёлком недалеко от китайской границы. Пять бараков, наверное, ещё сталинских времён. А внутри только трупы: и женщины, и дети, и мужчины. Их всех убили во сне. Маленькая девочка ещё моргала, когда я вошёл в барак, но это были последние проявления жизни. А потом глаза её остекленели.

Спорная территория русских и китайцев. И каждый её считает своей. Вот эту спорную территорию мы и защищали.

А потом ещё несколько выездов на подобные происшествия, где мы уничтожали врагов, творивших беспредел на нашей советской территории.

Было или не было, спросите вы? Даже я вам сейчас не отвечу.

Глубина

Озеро Байкал, какое же оно красивое! Берегов не видно, глубина в разных местах бешеная. Волны как на море, особенно когда поднимется ветер, то могут достигать и трех, и более метров. А еще вода – чистейшая и прозрачная.

Наш катер с инструкторами и стажерами болтается на огромных волнах возле какого-то острова. Видны каменистые склоны, неизвестно кем и когда сложенные пирамидки на вершинах сопок. И как сказал инструктор, под нами глубина полтора метра. До острова, наверное, примерно полкилометра. Яркие лучи солнца, проходя сквозь чистую гладь воды, освещают дно. Вот уж не поверил бы, что здесь такая глубина.

Первое погружение. Нас, стажеров, двое. А рядом трое инструкторов, которые следят за каждым нашим действием. Потихоньку учат дышать под водой. Жестами и знаками направляют нас и показывают на собственном примере, как можно, используя воздушную подушку, менять глубину. Первое погружение не более, чем на двадцать метров. К нашим поясам привязаны страховочные ремни, закрепленные на катере. А рядом с небольшим грузом спускаются фалы с отметками глубины, на которых мы должны сделать остановку на подъеме. Первое погружение. Дышишь под водой как рыба. Глаза у меня, наверное, были широченные, когда я видел, как мимо нас проплывали стайки омуля. А вслед за ними гналась байкальская нерпа. Инструктор показывает, что пора всплывать. Несмотря на то, что глубина была небольшая, он заставляет нас останавливаться на каждой отметке на 3—4 минуты, чтобы пройти декомпрессию. Всплываем. С катера подадут трап. Отстегиваем ласты и поднимаемся на борт. Вот так прошло первое погружение.

К вечеру погода испортилась. Катер, закрепленный двумя плавучими якорями, болтало на волне и постепенно сносило к скалистому берегу. К счастью, к утру погода исправилась. Волны стали стихать. И на горизонте появилось яркое солнце. Нам, стажерам, эта ночь далась тяжело. Не один раз мы бегали в галюн, чтобы, склонившись над ним, вывалить туда весь ужин. Когда болтанка прекратилась, нам стало полегче. И инструкторы, которые тренировали нас, проверив зарядку баллонов, снова отправили нас в воду, но теперь уже на глубину до пятидесяти метров.

Второе погружение. Ощущения просто непередаваемые, будто паришь в невесомости. Чистая прозрачная вода просвечивается насквозь. Над тобой разбегающиеся лучи солнца, отраженные мелкой рябью. А внизу освещаемое солнечными зайчиками каменистое дно. Кажется, вот только руку протяни – и ты достанешь камешек, маленький такой. Я поддался соблазну и, стравив воздух из пузыря, усиленно работая ластами, устремился вниз. Мне так хотелось поднять камешек со дна Байкала. Кто-то ухватил меня за ласту и стал тянуть вверх. Опыта и умения у него было больше. Он подтянул меня к фалу, который был на уровне красной отметки. Это означало, что глубина почти сто метров. Представляю, как Егорыч материл меня, но, слава Богу, под водой шли только пузыри. А вот глаза о многом говорили. Поднимались долго. В моих баллонах воздух почти на исходе, так как приходилось делать долгие остановки для декомпрессии. И когда воздух в баллонах у меня закончился, Егорыч давал мне вдохнуть со своего загубника. Что произошло на палубе, когда мы поднялись, мне, честно говоря, вспоминать стыдно. И по роже получил, и последние метры всплывать в аварийном режиме пришлось, так что из носа кровь сама собой пошла. Ну а тут еще и Егорыч добавил. В общем, не очень приятные воспоминания. Когда он увидел, как я ухожу в глубину, он еле догнал меня. Чем и спас мою жизнь. Меня это многому научило.

Третье погружение. Теперь я уже не забываю смотреть на левую руку, на которой глубиномер и часы, отсчитывающие количество кислорода, которое у меня осталось при погруже-

нии. Нас учили соизмерять время для подъема, чтобы в баллонах оставался какой-то минимальный запас, и нам не приходилось выпрыгивать из воды с кровью, льющейся из ушей и носа.

Четвертое погружение. Я чувствую себя уже спецом. Тренировки на катере, обучение не всегда в уставной форме сделали свое дело. Теперь я уже не совершал ошибок, был внимателен и научен опытом, опытом старших товарищей, ну и небольшим физическим воздействием. За это им тоже спасибо.

Прошло уже более двадцати лет, но я до сих пор помню своих инструкторов, дно Байкала, которое казалось совсем рядом, катер, с которого мы погружались, и те первые минуты, когда я оказался под водой и мог дышать как рыба. Жаль, нельзя вернуть те времена назад, оказаться среди стайки омулей, проплывающей мимо нерпы и почувствовать себя как в невесомости.

Знакомство

Молодой, счастливый, довольный – наконец-то нашел настоящую работу, он идет по вечернему Новосибирску к себе домой. Что может быть лучше ноябрьской прогулки под светом уличных фонарей, легкого морозца при свежавыпавшем снеге? Молодой, красивый. Девчонки часто на него заглядывались. Вот сейчас срезать через парк возле площади Маркса – будет дом, там, где снимает квартиру. Жизнь, кажется, удалась.

Все бы хорошо, да вот только, проходя мимо группы парней, которые обратили внимание на его кавказскую внешность, он почувствовал что-то недоброе. Он идет, не ускоряя шага. Один раз, как бы невзначай обернувшись, видит, как они встали и идут за ним, и сворачивает в парк, надеясь затеряться в темноте аллеи, чтобы его не нашли. Но не тут-то было. Вся эта ватага обезумевших юнцов следует за ним. Как бы он ни прибавлял шаг, расстояние все сокращается. Понимая, что уйти от них не удастся, он разворачивается к ним и полуговорит-полукричит: «Што вам нада? Я што вас трогал?» В это время он получает резкий удар и падает на землю.

Ну вот, закончено еще одно дежурство. Мы с Генкой, моим напарником, решили посидеть вечерком у меня. На троллейбусе доехали до площади Маркса. Правда, заболтавшись, проехали на одну остановку дальше, и вышли возле парка.

– Ну что, Ген, пройдемся через парк? Тут по прямой, до телецентра рукой подать.

– Да, прогуляемся. Вечер вон, какой хороший.

Свернули в парк. Идем по темной аллее. К сожалению, в те года парк совершенно не освещался. Предвкушаем, как придем домой, вскипятим чайку, посмотрим видак после работы. В общем, приготовились отдохнуть. А тут вдруг где-то в стороне, дальше от центральной аллеи, слышим истошные маты. Кажется, дерутся. Генка посмотрел на меня:

– Кажется, работа затянулась.

Я понимаю его, и мы бежим на шум. При свете луны, отражающемся от белого снега, мы довольно-таки хорошо видим, как пятеро или шестеро парней пинают лежащего на земле человека, сопровождая удары матами, которые я опускаю. Самое цензурное, из того, что можно привести, – «чурка поганая».

Мы как бежали, так и врзались в эту толпу, раскидывая ее в разные стороны. Мы в форме, но вряд ли это было бы для нас защитой. Обезумевшие от алкоголя, разъяренные дракой, эти подростки уже не могли остановиться и, переключившись с несчастной жертвы, окружили нас.

Я так вскользь упомяну, что Генка Жуков был не только моим старшим в экипаже, но и, кроме того, еще и инструктором рукопашного боя. Щупленький, с торчащими усами. А шинель делала его еще более щуплым. Он аккуратно скрестил руки чуть ниже живота (поза Жириновского) и таким хлипеньким голосом:

– Ребята, а может, не надо?

Те, почувствовав свою силу и видя, как милиционер жалобно просит, еще больше разгорячились, почувствовав свою «власть». Тот, кто был постарше и, по всей видимости, руководил всеми, подошел к Генке и, сделав в его сторону «понтовый» замах, произнес:

– Че, ментяры, испугались?

Генка еще раз жалобным голосом сказал:

– Ну, ребята, ну не надо!

В это время главарь попытался ударить Генку, но уже был не понтовый удар. Я даже не успел сообразить, как пола шинели резко откинулась в сторону, а нападавший уже лежит на снегу. И Гена как ни в чем не бывало стоит, опустив руки, и говорит:

– Ребята, я же просил, не надо!

Потеряв своего предводителя, который не подавал признаков жизни, молодежь растерялась. А Гена так спокойненько им:

– Скорую только ему вызвать или еще кому надо?

Молодежь начала пятиться и, того и гляди, побежит. А Гена им снова спокойно:

– Вы своего дружка не забудьте, вдруг ему скорую все-таки надо?

Те подхватили своего друга под мышки, чуть ли не бегом двинулись к центральной аллее. А мы с Генкой подошли к парню, которого пинали подростки. Он теперь постанывал, приходя в себя. Лицо в крови, нос, скорее всего, сломан. Наверное, не один пинок пришелся в лицо. Приподняли, я схватил ком снега, приложил к его носу, чтобы остановить кровь. Вот он уже смог членораздельно говорить, хотя и с жутким акцентом:

– Зя што? Зя што? Я вить ниче им ни здэлал!

Мы помогли ему подняться. И так как нам было по пути (оказывается, он снимал квартиру в соседнем доме со мной), пошли по аллее вместе. Пока мы шли, я предложил ему пойти вместе с нами посидеть у меня дома, попить чайку, но он наотрез отказался. Девушка ждет. Мы расстались с ним на углу дома. Постояли с Генкой еще минут пять, дожидаясь, пока он дойдет до своего подъезда, войдет в него. Ну так, на всякий случай. А потом с Генкой пошли ко мне, поднялись на пятый этаж. Дома громким радостным лаем нас встретили Рада и Ника. Мы пили горячий чай, смотрели видак, фильм про Рэмбо. В общем, так этот день и закончился.

И кто бы мог знать, что когда-то это случайное происшествие в парке возле метро Маркса спасет мне жизнь. Говорят, что ни одно злое дело не остается безнаказанным. А ведь за добрые дела тоже приходит своя плата. Просто мы не знаем, когда ее получим.

До чеченской войны оставалось три года.

Спасибо за сына!

Жаркий июльский день. На улице +35. Такое ощущение, что плавиться не только асфальт, но и вообще все. Сидеть в душной дежурной части было невозможно. Я вышел на улицу в тени, где на ветерке было хоть немного прохладнее. Увидев, что машина, которую я поставил в тень, снова оказалась на солнце и накалялась, и решил перегнать ее под дерево, чтобы она опять была в тени. Сев в душную кабину милицейского уазика, завел мотор и уже собирался тронуться, но в этот момент к машине подошла девушка. Лицо ее показалось мне знакомым, но я не мог вспомнить, где и когда ее видел. Она приблизилась к открытому окну машины и спросила:

- Вы не подскажете, кто дежурил 3 января?
- Так это давно было, спросите в дежурной части, там дежурный по райотделу подскажет.
- Спасибо, – ответила она и неуверенно вошла в здание.
- «Где же я ее видел?» – крутилось в голове...

3 января. Дежурить после новогодних праздников – это просто наказание. А меня еще плюс ко всему попросили помочь соседям, отправили на дежурство в Кировский район. Я приехал на место. Стандартная процедура приема дежурств, зачитали свежие ориентировки, и экипажи разъехались по маршрутам. День выдался в общем-то вполне спокойным. Несколько вызовов на семейные ссоры, задержали пару пьяных дебоширов. Да вот и почти все, что произошло за день.

Около шести часов вечера мы заехали в дежурную часть, чтобы пополнить экипаж участковым инспектором, который начинает работу с 18.00.

Старший экипажа ушел, а я замешкался в машине. Когда я зашел в дежурку, то был поражен. Оперативный дежурный сидит за пультом и испуганно косится в сторону. Все его движения очень медленные и мягкие. Возле стены стоит его помощник и мой старший экипажа. А в углу, на который косился дежурный, сидит здоровенная овчарка и при малейшей попытке кого-то пошевелиться начинает рычать и чуть ли не срываться с места, чтобы укусить. Увидев меня, она грозно зарычала и кинулась в мою сторону. Я прижался к стене и замер. Собака остановилась и вернулась на прежнее место в угол. Но как только я попытался приблизиться к двери, она тотчас кидалась на меня и заставляла вернуться к стене. Слава Богу, все это безобразие длилось недолго. Дверь открылась, и в дежурку вошел участковый инспектор в чине старшего лейтенанта.

- Джек, фу, к ноге!
- И пес, ласково завиляв хвостом, приблизился к хозяину и сел у его ноги.
- Ну что, убедились, что может охранять?
- Дежурный облегченно вздохнул и сказал:
- Да, от такого не убежишь.

Как выяснилось чуть позже, участковый привел на работу Джека, своего домашнего пса, а дежурный посмеялся над ним: как может не служебный, а домашний пес нести службу! Вот они и поспорили, что из дежурной части никто не выйдет, пока будет отсутствовать хозяин. Джек честно выполнил свою работу. Несмотря на то, что хозяин дал команду «фу», пес продолжал настороженно следить за нами. И если мы приближались, то начинал рычать и скалиться. Так что подходить к нему на близкое расстояние никто не решался и все старались обходить его стороной.

У меня дома тоже две собаки, правда, не служебные, а обыкновенные двортерьеры. Поэтому я собак особо не боялся и даже с самыми злобными находил общий язык. Не знаю, как мне в голову пришла эта идея, но я предложил старлету поспорить, что его пес зарычит

на него, защищая меня. Сразу же нашлись желающие это все увидеть и засвидетельствовать. Мы вышли в коридор, где вдоль стен стояли скамейки. Участковый с Джеком сели на одну, а я сел на скамейку у противоположной стены. Я долго упорно смотрел на пса. Он тоже внимательно смотрел на меня, но когда я шевелился или пытался подняться, начинал грозно порыкивать. Я аккуратно лег на скамейку и стал тихонечко поскуливать. Джек наострил уши, начал оглядываться по сторонам, чтобы понять, откуда идет звук. А у меня очень здорово получалось имитировать поскуливание щенка (у своих собак научился). Поняв, откуда идут звуки, он встал и двинулся ко мне, но его остановил поводок, который держал хозяин.

– Отпусти поводок, – тихо сказал я и продолжал поскуливать.

– Ну, смотри, если укусит, я не виноват, – сказал старлет и отпустил поводок.

Здоровенный пес подошел ко мне, не переставая скулить, ткнулся мокрым носом в щеку, а потом начал вылизывать лицо. Очень аккуратно, плавным движением я протянул к нему руку и стал гладить его по голове.

– Ну все, хватит, – сказал участковый и встал, чтобы отвести Джека от меня.

Джек повернул голову и грозно зарычал. Из-за двери дежурки, откуда наблюдали остальные участники этих событий, раздался смех. Джек повернул голову в их сторону и тоже грозно рыкнул. Таким образом я выпорил бутылку коньяка, а в наш экипаж добавились Джек и участковый Серега.

19.15. Поступил вызов. Сожитель избивает женщину и ребенка. Мы быстро грузимся в машину и выезжаем на происшествие. На асфальте возле дома, куда нас вызвали, лежал какой-то белый пушистый комок. Я аккуратно пропустил его между колес, чтобы не наехать, и мы, выскочив из машины, поднялись в квартиру на четвертом этаже. Дверь открыла заплаканная женщина с ссадинами на лице, а из комнаты слышались всхлипывания ребенка.

– Он убежал, он убежал, – твердила она.

– Заявление писать будете? – спросил участковый.

– Да, конечно, проходите.

Они с Серегой прошли на кухню, чтобы оформить протокол. А старший экипажа отправился опрашивать соседей.

Я заглянул в комнату, где плакал ребенок, девочка лет шести. На руке синяк, платьице порвано. Зажалась в угол, испуганно вздрогнула, увидев меня.

– Не бойся, – сказал я.

Девчушка подскочила ко мне, обхватила за колени и разрыдалась еще сильнее: «Тимка! Тимка!». Я присел на корточки, обнял ее, а она уткнулась носиком мне в грудь и все повторяла: «Тимка! Тимка!»

– Что за Тимка? Это кто? Котенок?

– Это... Это... И девочка заплакала навзрыд.

– Кто это? Давай вместе поищем. Девочка заплакала еще сильнее:

– Дядя Валера...

И она протянула руку в сторону открытой форточки. Я вспомнил про белый комок, на который чуть не наехал, и, сказав ей, что сейчас вернусь, побежал вниз. На дороге прямо под их окнами и лежал этот белый комочек. Маленькая болоночка. Я удивился, что, упав с такой высоты, она все еще дышала и пыталась подняться на передние лапки. Бережно поднял ее на руки и вернулся с ней в квартиру.

– Тима, Тимочка! Тима! – закричала девчушка, увидев ее у меня на руках. Подбежала к своей маленькой кровати, схватила одеяло и постелила на полу.

– Дяденька милиционер, положите его сюда!

Я аккуратно положил его и стал ощупывать. Обе задние лапки были сломаны.

– У вас бинты есть? – спросил я у девочки.

Малышка побежала на кухню и через какое-то время вернулась с мамой, которая принесла бинты. За ними следом вошел и Сергей.

– Ну, я почти закончил. Старшой где?

– Пошел опрашивать соседей, еще не вернулся, – ответил я.

– Ну, я тоже пойду, помогу опрашивать, чтобы быстрее дело было. А ты скорей заканчивай и возвращайся к машине.

Взяв со стола два карандаша, я наложил Тимке импровизированные шины. А женщине посоветовал отвезти его утром к ветеринару, надеясь, что кроме переломов у него ничего нет, и песик должен выжить. Я попрощался и стал спускаться, как вдруг услышал лай Джека, которого мы оставили в машине. Я сначала не понял, на кого лает Джек, и только обойдя машину, увидел, что в кустах у дома кто-то прячется.

– Кто там? – спросил я. – Если ты сейчас не выйдешь, я выпущу собаку. Выходи.

Из кустов вылез молодой мужчина лет тридцати. Руки в наколках, полушубок расстегнут. Шапки на голове нет. Я открыл дверь машины и аккуратно за поводок вывел Джека.

– Стереги!

Только тут я увидел на переднем сиденье шапку. И понял, что здесь произошло. Этот молодой человек хотел уехать на нашей машине. Ему повезло, что он успел захлопнуть дверцу перед мордой Джека. Тут спустились ребята. Серега, увидев задержанного, улыбнулся и сказал:

– А вот это и есть наш герой.

– Этому герою еще светит срок за попытку угона служебного автомобиля.

Мы погрузили его в машину и вернулись в райотдел.

21.45. Вызов на семейное. Мы поехали только с Серегой и Джеком. А старший остался в отделе оформлять задержанного. Серега с Джеком были на заднем сидении. Недолго думая Джек стал протискиваться между передними сиденьями и все норовил лизнуть меня в лицо. Одной рукой я кручу баранку, другой пытаюсь отмахнуться от навязчивой ласки. При попытке Сереги отдернуть его Джек оборачивался и хоть не злобно, но рычал.

Мы выехали на проспект. И в это время Джек, перемахнув через переднее сидение, всей своей тушей взгромоздился мне на колени. Под тяжестью Джека моя нога надавила на газ, и машина увеличила скорость. За телом пса я не видел дороги, да и рулить практически не мог. Единственное, что удалось сделать, – выключить зажигание. Машина еще немного прокатилась вперед и остановилась. Так как из-за Джека я не мог открыть дверь, Сереге пришлось выскочить из машины и открывать мою дверь снаружи. А потом общими усилиями мы стащили упирившегося пса. Оказавшись на улице, Джек посмотрел на меня и обиженно тявкнул. Мы снова погрузились в машину и поехали дальше.

Еще с первого с этажа мы услышали шум, доносившийся сверху. Ускорив шаги, мы поднялись на третий этаж и позвонили в квартиру. Шум стих. Нам открыл мужчина пенсионного возраста и, буркнув, что он никого не вызвал, захлопнул дверь перед самым нашим носом. В квартире снова начались крики и шум. Я опять нажал на кнопку звонка. Мужчина приоткрыл дверь, и я тут же подставил ногу, чтобы он не успел ее закрыть. Из квартиры был слышен голос женщины: «Помогите!». Я навалился на дверь, и мужчина, чувствуя, что не сможет меня удержать, отступил и, бурча что-то под нос, ушел в глубь квартиры. Первым зашел я, за мной Серега с Джеком. Я бросился на женский голос в комнату. На диване лежала пожилая женщина, лицо все в кровоподтеках, из носа текла кровь, которую она безуспешно пыталась вытирать какой-то тряпкой. Я вышел из комнаты, чтобы найти в ванной полотенце, намочить его и принести женщине. Участковый с Джеком остались в комнате. Когда я почти отворил дверь в ванную, из кухни выскочил мужчина, который открывал нам дверь, и с криком «Пошли все вон!» замахнулся на меня кухонным ножом.

Коридор был узкий, и я уже приготовился было отразить удар, когда почувствовал толчок в бок, который придавил меня к стене. Серая масса пронеслась вперед и вцепилась зубами

пенсионеру между ног. Рычание собаки перекрыл крик, переходящий в фальцет. Нож, выпавший у пенсионера из руки, я отшвырнул ногой и стал оттаскивать Джека, который вырывался и норовил снова его укусить. Дед плюхнулся на пятую точку, продолжая орать, и держаться руками сами знаете за что. На крики прибежал Серега. Я сказал ему:

– Вызывай скорую.

Скорая приехала быстро. Пенсионера на носилках медики унесли в машину, а женщине оказали помощь на месте. На вопрос Сергея, будет ли она писать заявление, женщина сказала, что будет. Но только на нас – за то, что изувечили ее мужа.

– Тогда нам придется арестовать вашего мужа за покушение на сотрудника милиции, – ответил я.

Мы вернулись в дежурную часть и написали рапорта об использовании служебной собаки. Джека пришлось увезти домой во избежание новых эксцессов. А то снова на коленки заберется или кого покусает, не дай Бог.

00. 45. Выехали на маршрут. Подъезжаем к площади Кирова. Посреди дороги идет толпа пьяных. Мужчины и женщины, человек шесть. Увидев фары нашей машины, они стали махать руками. Мы остановились. Один парень вышел из толпы и, подойдя к уазу, открыл дверь с моей стороны. Заглянул в машину, еле-еле ворочающимся языком спросил:

– Водка есть?

Напомню, что мы были в милицейском уазике, с мигалками, соответственно одетые в милицейскую форму. На мой совет: «Иди домой проспись, да и вообще по дороге не ходите, не дай Бог сшибет кто», – парень, ухватившись за баранку, стал втискиваться в машину и, дыша перегаром мне в лицо, просить:

– Ну, продайте бутылочку.

Оттолкнув его левой рукой, я спросил:

– Ты что, не видишь, кто перед тобой, кого ты остановил? На моей машине шашечек нет. Это не такси!

В те времена таксисты постоянно подторговывали по ночам водкой.

– Так че, водку не продадите? И он снова стал втискиваться в машину.

Генка (старший экипажа) протянул газовый баллончик и прыснул ему в лицо. Правда, мне тоже немного досталось. Такое ощущение, что баллончик не сработал. Парень отступил на шаг от машины, потер руками лицо (а у меня в это время уже начали слезиться глаза) и уже более трезвым голосом сказал:

– Я у вас не одеколон, а бутылку спрашивал.

Остальные его друзья, надрываясь от хохота, наблюдали за этой сценой. Мы в машине тоже еле-еле сдерживали смех.

– Да нет у нас, все уже продали, – сказал я.

– Ну, так бы и сказали, – и парень шатающейся походкой пошел к своим друзьям.

По дороге он развел руками и покачал головой, как бы объясняя, что водки нет. Народ закатывался от смеха.

Я проехал немного вперед и, поравнявшись с толпой, остановился. Генка открыл дверь и спросил:

– Вы этого хмурика до дома доведете или вытрезвитель вызвать?

– Доведем, доведем, – дружно ответили нам сквозь смех. Мы поехали дальше.

01. 55. Выехали последний раз на маршрут. Ночью мороз усилился. Если днем было —28, то теперь все —35. Да еще и ветерок поднялся. Холодина жуткая. Машину продувает насквозь. Проедем, вернемся на базу, а потом до окончания смены будем выезжать только на вызовы. Едем по проспекту. Уличные фонари погасли. У нас всегда в целях экономии с двух до четырех уличное освещение выключается. Проехали до конца проспекта, развернулись на границе района. На улице никого. И приняли решение возвращаться на базу. Проезжая мимо остановки,

я увидел внутри на скамейке что-то темное. Притормозил, сдал назад. На скамейке полулежала молодая женщина. Ондатровая формовка натянута до самых ушей. Лицо закрыто шарфом. На бровях и шарфе от дыхания образовались сосульки. Руки вставила в рукава. Видимо, чтобы согреться. Мы стали ее поднимать, спрашивать, но видно было, она так замерзла, что не может даже говорить. Когда мы вели ее к машине, чтобы отогреть, я обратил внимание на ее живот, который даже шуба не могла скрыть. Женщина была беременна. Посадили ее в машину, стали растирать щеки. Видны были следы обморожения. В машине я расстегнул ее шубу, чтобы женщина могла скорее согреться, так теплый воздух проникает быстрее, а еще включил печку на полную мощность. Генка и Серега растирали ей лицо, руки и ноги. Я сел за руль, чтобы увезти ее в больницу, которая, к сожалению, находилась в другом конце района. И пока мы ехали, женщина стонала, а потом начала кричать.

– У нее все колготки намокли, – сказа Гена. – Она вот-вот родит.

Управляя автомобилем, я попутно пытался связаться по рации с дежуркой, чтобы вызвать скорую помощь. Из-за большой скорости на скользкой дороге меня стало заносить, поэтому попытки связаться я прекратил и все внимание уделил движению. Женщина кричала все сильнее.

– Срывайте с нее колготки, это воды отходят, – крикнул я ребятам через плечо.

– Вот давай остановись и сам срывай.

Я остановился. Выгнал их из машины, чтобы не мешали. Достал два вафельных полотенца, которые принес из дома и которыми еще не пользовался, так что они были чистыми. Кинув их на спинку сиденья, стал стягивать с женщины шерстяные колготки, трусы, все насквозь мокрое. На резиновых ковриках тоже хлюпало. Женщина кричала все сильнее. Я как можно шире раздвинул ей ноги и успокаивающе гладил по животу. Было такое ощущение, что в животе кто-то сильно и упорно бьется. А мышцы женщины судорожно сокращались.

– Давай, давай, милая, – приговаривал я, пытаясь ее успокоить.

И вот что-то стало показываться. Как в каком-то сне медленно-медленно начала появляться головка ребенка. Я схватил одно из полотенец и стал придерживать ее. Я не знал, нужно ли тянуть, и поэтому просто ждал, когда все произойдет само собой, и очень боялся повредить ребенку. Вот он весь оказался на полотенце. Вслед за ним выплеснулось что-то еще, и потянулась пуповина. У меня ничего не было, чтобы обрезать ее. Единственное, что мне пришлось в голову, – это перегрызть пуповину зубами и завязать на узел. Ребенка завернул в полотенце, но было такое ощущение, что он неживой. Где-то читал или слышал, что ребенок, когда родится, должен заплакать, а этот молчал и в свете фонаря был какой-то синенький и страшный. Я стал обтирать его полотенцем – и в это время он будто икнул и заорал! Такой крик появления новой жизни могли слышать только матери, рождающие детей, и акушеры, принимающие роды. Это был замечательный крик!

Бросив на пол грязное полотенце, которым обтирал малыша, я схватил другое и завернул младенца в чистое. Быстро скинув с себя бушлат, я положил ребенка на него на переднем сиденье и тщательно укутал.

– Парни, быстро в машину! – крикнул я подпрыгивающим на морозе Генке и Сереге.

Дверь открылась, в машину ворвался холод. Парни вскочили на заднее сиденье. И мы понеслись в больницу. На всякий случай я включил сирену и мигалку. Через 15 минут мы были у больницы и колошматили в двери приемного покоя. Помогли заспанному санитару погрузить роженицу и ребенка на носилки и занесли внутрь. Там их осмотрел врач и сказал, что самое страшное, что с ней произошло, – это обморожение ног. А малыш, по всей видимости, здоровый. Это все он мне рассказал, когда возвращал бушлат.

Мы вернулись в дежурную часть. До самой сдачи смены я на морозе отмывал изнутри машину. А потом, сдав дежурство, поехали ко мне домой отметить появление новой жизни.

Жаркий июльский день. На улице +35. Такое ощущение, что плавится не только асфальт, но и вообще все. А я еще сижу в душной, нагретой на солнце машине и вспоминаю ту морозную ночь с третьего на четвертое января. Из дежурки вышла девушка. Теперь я уже узнал ее. Огляделась по сторонам и пошла вниз по улице в сторону Оби. На крыльце появился Генка, помахал мне рукой и крикнул:

– Олег, тебя дежурный зовет!

Я закрыл машину и пошел в дежурную часть. Дежурный встретил меня пороге:

– Тут девушка тобой интересовалась. Адрес твой дать не мог. Сам понимаешь. Но она просила передать. И протянул мне маленький клочок бумаги. На нем была всего лишь одна строчка: «Спасибо за сына!»

Краповый берет

Один взрыв, второй. Меня отбрасывает, и я падаю в мокрую канаву. Грязно, противно, холодно. На улице плюс три. Руки коченеют после холодной воды, но надо бежать вперед. Вот оно – четырехэтажное здание. Блин, как же попасть на второй этаж? Над ухом раздается очередь. Это Мишаня, обгоняя меня, прикрывает огнем и занимает удобное положение. Мы уже на подступах к зданию. Еще один рывок – и будем на месте. Смотрим, как суетятся наши ребята. Они под самыми окнами, но оттуда их не видно. Готовят шесты.

– Ну что, Мишань, мочи по окнам, чтоб не высунулись. А наши ребята шест подготовят.

Миша стал стрелять по окнам, не давая противнику ответить. Взвод Чернова подготовил два шеста. Длина достаточная для того, чтобы запрыгнуть на второй этаж. Под прикрытием своих стрелков и огня Миши они отошли немножко от здания. А старший лейтенант Чернов (я обычно называл его Володей) делает мне знак рукой. Я бегу короткими перебежками, прячась за укрытиями, хотя этого можно было и не делать, так как огонь противника был уже подавлен. Хватаюсь за конец шеста, и трое ребят из его взвода возносят меня наверх. Я просто бегу по стене, как будто законы гравитации нарушены. Чуть не проскочил мимо второго этажа, но вовремя соскакиваю с шеста и запрыгиваю в окно. Хоть высота и небольшая, но полет по ту сторону стены в грязную жижу канавы кажется бесконечно долгим. Выбираюсь из грязи, делаю несколько выстрелов по сторонам. И вот я уже почти у финиша. Запыхавшийся, грязный, уставший, прошедший полосу препятствий, искупавшийся в холодном пруду, намокший, слетевший со второго этажа, измазанный грязью и еле держащийся на ногах, стою перед рингом. Вот они – трое моих противников. Володя натягивает на меня шлем:

– Ну что, держись. Последнее осталось.

Ноги так и подкашиваются, хочется присесть, перевести дыхание, но «добрые, заботливые» руки выталкивают меня на ринг. Передо мной три противника. Знакомые лица, я их знаю. Не один год уже вместе отработали. Но здесь не до эмоций. Девять минут как с куста – или проиграл. Принимаю стойку. Жду, когда нападут. Серега пытается зайти сзади, оглянулся на него и бросаюсь вперед. Тут резкий удар – искры из глаз. И я падаю на маты. Ко мне подходит Володька Чернов:

– Олег, ты что, забыл, как тебя учили? Не нападать надо, а защищаться, а у тебя это чистый проигрыш.

Нос разбит, под глазом синяк, а скорее всего, под обоими. Кажется, в очередной раз сломали нос. А Володя меня успокаивает:

– Ну что ты, это самое, расстроился? Все прошел, на спарринге слетел. В следующий раз пройдешь.

– Товарищ старший лейтенант, а можно еще раз на спарринг?

– Ты что, дурак? У тебя, скорее всего, сотрясение мозга и нос свернут.

Кровь вон только-только перестала идти.

– Товарищ старший лейтенант, разрешите еще одну попытку!

– Ну, это как комиссия.

Он подошел к полковнику Зайцеву и о чем-то стал говорить с ним. Потом быстро вернулся ко мне:

– Давай на ринг. Ну, ты сам этого захотел.

Срываю с себя защитный шлем. Он обзору мешает. Я хочу видеть своих противников, а он закрывает мне глаза. Слышу за рингом голос Миши:

– Олег, ты что, дурак?

Кидаю мешающий мне шлем на звук его голоса. Я готов к бою.

Вот они снова втроем идут на меня. Серега, как и в прошлый раз, пытается зайти сзади, двое передо мной. Снова начинаем кружиться по рингу. Я спокоен, я совершенно спокоен. Жду, когда они нападут. Минута, две, три... Пляска продолжается, но напасть они не решаются. Все время стараюсь не терять из виду Серегу, который находится у меня за спиной. Но нападение приходит спереди. Это Генка Жуков. Когда-то он меня учил. Его же уроком я ему и ответил. Отступил на шаг в сторону и ударил по затылку. С одной стороны, обрадовался, что так удачно получилось, с другой стороны, Генку жалко стало, все-таки он на восемь лет старше меня. А тут Серега с левой стороны попытался напасть. Еле успел отскочить, но поскользнулся и упал. Получилось, что упал удачно. Я подставил ему подножку, хотя совершенно этого не хотел. Со всего маха Серега врезался лицом в маты, было видно, как ему больно. Но он быстро поднялся. И вот они снова трое против меня. Володька кричит:

– Олег, осталось три минуты, держись.

А у меня, честно говоря, голова кружится, ноги ватные, дыхание сперло, воздуха не хватает. Они вот – втроем. Вадик, до этого все время выжидавший, ринулся в атаку. Не знаю, как получилось, но, видимо, Генка меня хорошо тренировал. Руки и ноги сами сделали определенные движения: удар в живот, в грудь, потом локтем по челюсти. Ну, короче, упал он. Пока я отвлекся, Генка прыгнул на меня сверху. Кувыркнулись мы с ним до самых канатов. И в это время пробил гонг.

Генка слезает с меня, подает мне руку, помогая подняться, и, дружески хлопая по плечу, говорит:

– Ну что, еще три километра кросс, и все будет в порядке!

«Дружеские» руки напяливают на меня рюкзак, набитый то ли песком, то ли кирпичами, но это не имеет значения. Рюкзак давит так, как будто в нем не кирпичи, а что-то настолько тяжелое, что от этого подгибаются ноги. Володя передает мне мой автомат. Нахлобучиваю каску и бегу по тропинке, уходящей в лес. Вот за деревом раздается взрыв, и в этот же момент с другой стороны тропинки на меня выскакивает нападающий. Как я его не убил? Чисто по инерции от неожиданности долбанул прикладом прямо по голове. Благо, он в каске был. Но, тем не менее, завалился в кусты и смешно махал руками. Бегу дальше. До финиша остается совсем немного. А тут как бабахнет под самыми ногами! Аж пятки обожгло. Подлетел, кувыркнулся. От неожиданности вообще ориентировку потерял. А этот архаровец из последних нападающих идет прямо ко мне вразвалочку. Думал, оглушило меня. Но я ему промеж ног и врезал, вразвалочку. Он ойкнул и занял в кустах мое место. А я, выбравшись на тропинку, побежал дальше.

Вот он – финиш. Совсем рядом. Голова кружится, из разбитого носа снова пошла кровь. Но заветную черту я все-таки пересек.

Наконец долгожданное построение. Голова все еще кружится. Слава Богу, кровь из носа не идет. Командир отряда зачитывает списки заслуживших краповые береты. Среди зачитанных фамилий есть и моя.

До войны в Чечне остается два года.

Не нажимай на спусковой крючок

Неделя на нашем блокпосту была тихая и спокойная. А потом повадился стрелять снайпер. Один-два выстрела в день, но, слава богу, пока ещё никого не убил. Последней каплей для меня стало... Об этом я расскажу позже, а сейчас я лежу в засаде, приклад СВД прижимается к моему плечу, словно женщина, а в оптический прицел я пытаюсь уловить блик, который выдаст мне местоположение снайпера. Странный блик увидел я: он двигался на уровне кустов, и было такое ощущение, будто снайпер даже не скрывается. Но и передвигаться в нашу сторону с оптикой, которая давала бы такие блики, он вряд ли бы смог. Палец мягко стал надавливать на курок, вот-вот должен был произойти выстрел...

Неделя на блокпосту была словно рай. Машины проезжали редко. Местные жители, дружелюбно к нам настроенные, часто приносили свежие овощи и фрукты. А ещё к нам стала заходить девушка со своим братом, очень худая, измождённая. И нам казалось и, может быть, не только казалось, что они вечно голодные. В селении, настроенном к русским войскам дружелюбно, она была изгоем. Её мужа несколько месяцев назад убили при ликвидации банды боевиков. Родителей у неё и брата не было, а в селении помогать никто не хотел. Вот она и приходила к нам вместе с братом, зная, что мы никогда не откажем в пище и в помощи. Странно, жена боевика, который воевал против России, находила помощь и поддержку у тех, кто убил её мужа. Однажды они снова пришли к нам, и её брат, которому было лет девять, принёс маленького котёнка. Не знаю, знал ли он русский язык, единственное, что он нам говорил, протягивая этого малыша: «На, кормите!» – и плакал. Только через несколько дней мы узнали, что этого котёнка они нашли на развалинах своего дома. Это был единственный детёныш, который выжил у их домашней кошки. Вспомнив старую арабскую сказку, мы назвали котёнка Сезам. Он прижился у нас, но и хозяев не забыл. Когда они подходили к нам за едой, он всегда бежал к ним навстречу, держа хвост трубой и радостно приветствуя их громким мяуканьем.

Как я и говорил, первая неделя была раем. А вот потом появился снайпер, и не было дня, чтобы по нам не стреляли. Не знаю, из чего он стрелял. Выстрелы были меткие, но, к счастью, они не пробивали бронежилеты и каски, которые были на нас. Такое ощущение, что стреляли из мелкокалиберной винтовки. Местные жители тоже не знали, кто бы мог это делать, так как в двух ближайших посёлках к нам были настроены дружелюбно и миролюбиво. Сезам уже совсем освоился и даже не боялся выстрелов, которыми мы отвечали на обстрел. Единственное, что он делал, – это прижимал уши и внимательно смотрел на стрелка, рядом с которым находился. Однажды в него попало гильзой, и он прекрасно понял, что не стоит находиться с правой стороны от автомата, и никогда больше с этой стороны не подходил. Несколько раз мы пытались вычислить снайпера, выставляя ложные мишени, но, как ни странно, он ни разу на это не купился. Так прошла неделя, нам оставалось ещё тридцать дней. В трёх километрах от нас, на блокпосту, стояли красноярцы. Как выяснилось, Зухра и её брат тоже приходили к ним, и они тоже их подкармливали. Вот только снайпер по ним почему-то не стрелял. Нам согласились помогать несколько местных жителей, которые периодически стали проверять окружающий район. К сожалению, толка от этого не было. А выстрелы так и продолжались, к счастью, без потерь для нас.

Вообще, если бы не эти обстрелы, то жизнь протекала тихо и мирно. Мы часто ходили в гости к соседям-красноярцам. В посёлке нас хорошо принимали. И было ясно, что эта война никому не нужна, вот только она продолжалась, и ей не было конца. Снайпер стал стрелять по мирным жителям, которые приходили к нам, и здесь, к сожалению, без жертв не обошлось. Трудно было доказать местным жителям, что это не мы открыли огонь по тем людям, которые к нам приходили, ведь они погибали рядом с нашим блокпостом. Отношения стали резко

ухудшаться, нас уже не принимали в посёлке так радушно, как это было раньше. Даже Зухра стала реже появляться со своим братом.

Однажды я с Сезамом сидел возле шлагбаума блокпоста. Он опёрся на мою грудь лапами, тёрся о мой бронезилят и заглядывал мне в глаза. Вдруг меня что-то толкнуло в грудь, а лицо забрызгало что-то горячее и липкое. Маленькая свинцовая пуля не смогла пробить бронезилят, но она раскромсала голову Сезама. Отпрыгнув в укрытие, я всячески пытался оттереть лицо от забрызгавшей меня крови

Сезама мы похоронили за полевой кухней, а когда пришла Зухра с братом, мы рассказали им все. Её брат заплакал. Наверное, этот кот был для него самым дорогим после сестры существом. На следующий день они пришли с двумя букетами полевых цветов и положили их на могилу Сезама. Грустно все это, ведь Сезам стал и для нас как член нашей команды.

Не знаю, что со мной произошло, но для меня стало делом чести вычислить и снять этого снайпера. Ведь меня дома ждал мой кот Чарли, чёрный, с белой гималайской грудкой. И смерть Сезама была для меня равносильна смерти моего кота. Странно, за людей я не хотел мстить так, как за смерть животного, которое нам доверилось. Я забрал «СВДушку» у Генки и лёг в засаду, попросив ребят всячески провоцировать снайпера. Почти два дня я лежал в засаде. Снайпер стрелял, но вычислить его мне так и не удалось.

Я сейчас лежу в засаде, приклад СВД прижимается к моему плечу, словно любимая женщина, а в оптический прицел я пытаюсь уловить блик, который выдаст мне местоположение снайпера. Станный блик увидел я: он двигался на уровне кустов, и было такое ощущение, будто снайпер даже не скрывается. Но и передвигаться в нашу сторону с оптикой, которая давала бы такие блики, он вряд ли бы смог. Палец мягко стал надавливать на курок, вот-вот должен был произойти выстрел. Но палец так и не довёл свой смертельный ход. Из кустов вышла Зухра и её брат. В плетёной сетке у неё были пивные банки, которые она собирала, чтобы хоть как-то поддержать свою жизнь. Именно они и давали блики, которые я принял за блики снайперского прицела. Как здорово, что мой палец вовремя остановился.

Ещё целую неделю я сидел в засаде, но мне так и не удалось определить, кто же всё-таки по нам стреляет. Это явно был не профессионал. Да и с «мелкашки» снайперы вряд ли стали бы стрелять, тем более профессиональные. А выстрелы продолжались. Всегда били рядом или по людям, не защищённым бронезилятами, в результате местные жители перестали приходить к нашему блокпосту. Сначала я стал подозревать, что это Зухра или её брат. Но выстрелы были даже тогда, когда они находились на нашем блокпосту.

А потом пуля попала в одного из старейшин селения. Слава Богу, ранение было не очень тяжёлым, но люди бросились на поиски снайпера все как один. Нашли отстрелянные гильзы. Нашли места, где он прятался. Вот только его самого не нашли.

Поздний вечер, уже темно. Мы вскрыли китайскую тушёнку и сидим едим её у костра. Тихий хлопок – и Вадим, держащий банку тушёнки, медленно-медленно стал оседать на землю. Чёртова китайская тушёнка, скорее всего приготовленная из сои, разбрызгалась по его лицу и по нему. Из маленькой сквозной ранки на шее, пульсируя, вытекала кровь. Сделать мы уже ничего не могли. Это была наша первая жертва на блокпосту. До этого пули плющились о «бронники», отскакивали от каски, не причиняя нам никакого вреда. А теперь мы потеряли друга. Вертолёт медсанбата, который прилетел на наш вызов, смог только зафиксировать смерть от потери крови. Была перебита сонная артерия.

Все, что у меня крутилось в голове: «Твари, сволочи, мы же вам ничего не сделали! Мы просто хотим мира! Господи, если ты есть, ну почему умирают те, кто невиновен в крови и смерти тех, к чьим судьбам они не причастны?»

На следующий день нас снова обстреляли. И снова мы нашли только место, откуда стрелял снайпер. Сколько я ни сидел в засаде, поймать его так и не удалось. Скотина, почему он стреляет даже по своим?

Шаткий мир, который был между нами и селением стал рушиться. Все реже и реже селяне стали относиться к нам дружелюбно и предлагать какую-то помощь. А потом погиб Санька, пуля попала ему точно в переносицу. И единственное, что я помню, когда мы грузили его в машину, – это раздробленный нос и забрызганное кровью лицо.

Скоро должна прийти смена. Мы вернёмся домой. А эта скотина продолжала стрелять и стрелять. К счастью, далеко не всегда его пули попадали в цель.

Снова сижу в засаде. Парни по моей просьбе периодически высовывают из-за ограды то каску, то сделанное нами чучело. Выстрелы раздаются, но я так и не могу заметить, откуда бьёт снайпер. Я увидел блик. Вот он! Вот он сидит на дереве. Это уже не что-то, не как-то. Это уже точно блик оптического прицела. Я навёл СВД, нажал на спусковой крючок. С дерева что-то упало. После этого я, Миша и Володя побежали к этому месту. Под деревом лежал мальчик, чеченец, лет 12—15. Слава Богу, пуля попала ему только в ногу. Затянув ему жгут из аптечки, чтобы остановить кровь, мы вызвали вертушку с санитаром.

Вертушка прилетела быстро, ждать пришлось недолго. Пацана увезли в полевой военный госпиталь, а нам сказали, что ничего страшного с ним не будет. Странно, что он стрелял и в нас, и в своих односельчан. Как потом выяснилось, винтовку он взял из полуразрушенной школы, в которой учился. А вот почему он стал стрелять по всем, мы так никогда и не узнали. Ведь, как выяснилось, старейшина селения был его дедом. Это мальчик стрелял в него.

Срок нашей командировки подходил к концу. Ещё несколько дней, и мы уедем домой. Но перед самым нашим отъездом снова начались выстрелы. Дай Бог, чтобы эти выстрелы не унесли ничьей жизни.

К сожалению, жизни они унесли. И это были уже более точные и чёткие выстрелы. Били по своим. А по всем радиоканалам говорили о том, что российские солдаты убивают мирных жителей. Как ни обидно, но людей действительно убивали из российского оружия, так как у чеченских боевиков его было полно. Потом приезжали эксперты из ОБСЕ, они решили, что раз у нас никто не погиб, то стреляли мы. А ведь мы этого не делали.

Закончилась командировка. Долгие проверки в прокуратуре. Благо, всё обошлось.

Вечная память тем ребятам, которые отдали свои жизни ни за что, просто выполняя свой воинский долг.



Ни шагу назад!

Вечереет. Как сильно разрушены плиты, окружающие блокпост. А там недалеко, буквально метрах в трёхстах, лесок. Да и леском его сложно назвать, скорее, кустарник, но высокий. А из него по нам постоянно стреляют. Вот сейчас лежу, высунул автомат в щель и смотрю, не появится ли какое-нибудь движение. А рядом со мной, накрытые брезентовой палаткой, лежат трупы наших товарищей. К вечеру похолодало, и брезент, намокший от утреннего дождя, загнулся по краям, и с того края, где я лежу, мне видно лицо Вадима. Ёлы-палы! Даже глаза ему забыли закрыть. Они смотрят в небо, а точнее не в небо, а на брезент и на меня, потому что голова повёрнута чуть-чуть набок. Если бы я был на его месте, то одним глазом я бы видел брезент, а другим – небо, да и себя, лежащего рядом, я бы увидел. Потому мне и кажется, что он смотрит на меня.

Двумя днями ранее.

Весна. Все хорошо. Давно нет никаких проблем. Расслабились мы. И дозор уже не такой чуткий. А тут как жахнуло! Блин, горячая тушёнка разлилась мне на ноги. Больно! Не знаю, от чего больнее, от того, что жахнуло, или от того, что расплавленный жир разлился мне на брюки. Подскакиваем, занимаем позицию. Из леса слышны несколько автоматных коротких очередей, направленных в нашу сторону. А потом тишина. Часа два лежали. Холодно. Но больше ничего не произошло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.